

Неизвестно, сколько времени прошло, но в мертвенно-тихом Небесном Тюремном Застенке внезапно раздалась мелодичная музыка.

Чистые, звенящие и глубокие звуки гучжэна, наполненные умиротворяющей мелодией, пролились в каждую угнетающую каменную камеру.

Цинь Сяояо сидела со скрещенными ногами на ледяной каменной кровати, а перед ней парила ее цельная нефритовая Гучжэн Плывущие Облака.

Закрыв глаза, она легко скользила кончиками пальцев по струнам.

Она исполняла известную мелодию из своих воспоминаний — Вечерняя песня рыбацких лодок.

Изначально она просто немного волновалась, но тихие всхлипывания и отчаяние, смутно доносившиеся из соседних каменных камер, усилили ее беспокойство.

Глядя на тех однокурсников, которые напоминали пугливых птиц, она не могла не сострадать им.

Хотя духовные силы были запечатаны и сделать что-то еще не представлялось возможным, сыграть мелодию труда не составляло.

Пусть даже это принесет лишь временное облегчение.

И тогда она достала гучжэн.

Это сокровище судьбы было связано с ее разумом и душой: даже с запечатанными духовными силами, опираясь лишь на силу духа и мастерство, можно было извлекать чистые звуки.

Плавная и безмятежная мелодия Вечерней песни рыбацких лодок чудом сгладила витавшие в воздухе страх и отчаяние.

Плач постепенно стих, тяжелое дыхание выровнялось, и даже натянутые до предела нервы, казалось, немного расслабились под эти звуки.

Шэнь Циньюэ тоже молча прислушивалась.

Она изначально сидела с закрытыми глазами и регулировала дыхание, пытаясь найти изъясн в печати. Когда зазвучала музыка, сначала она лишь слегка нахмурилась, но очень быстро ее внимание полностью переключилось.

Эта мелодия... была особенной.

Шэнь Цинъюэ тоже прекрасно разбиралась в музыкальных ритмах и могла расслышать, что исполнительница обладала высочайшим мастерством, а сама партитура была необыкновенной.

Само собой разумелось, что мелодия звучала красиво, но глубина ее художественного замысла и изящество структуры не шли ни в какое сравнение ни с одной известной мелодией, циркулирующей в нынешнюю эпоху.

Еще важнее было то, что в этом мотиве таился намек на «даюнь», словно выходящий за рамки правил этого мира.

Хотя он был слабым, но существовал реально, и именно эта капля даюнь наделяла мелодию чудесной способностью успокаивать сердца.

Она открыла глаза, и ее взгляд упал на сосредоточенно играющую фигуру в противоположной каменной камере.

Цинь Сяояо...

Она знала, что сокровищем судьбы той был гучжэн, но, судя по воспоминаниям, эта святая дева Цинь казалась редко играющей на публике.

Тем более ей никогда не доводилось слышать столь... странную мелодию.

— Эта мелодия... — Шэнь Цинъюэ не удержалась и заговорила, ее холодный и чистый голос раздался в паузе между звуками цитры.

— Ты сочинила ее сама?

Кончики пальцев Цинь Сяояо не останавливались, мелодия по-прежнему звучала плавно.

Услышав это, она слегка повернула голову и, все еще не открывая глаз, небрежно ответила:

— Нет.

— Ее сочинил один... очень великий человек, мне просто посчастливилось разучить это произведение.

Очень великий человек?

Сомнения в сердце Шэнь Цинъюэ стали еще сильнее.

Она знала практически все музыкальные семьи нынешней эпохи, но никогда не слышала о хождении подобной мелодии.

Неужели это какой-то скрытый от мира предок?

— Очень красиво. — Помолчав немного, Шэнь Цинъюэ дала лаконичную, но искреннюю оценку.

Пальцы Цинь Сяояо на мгновение едва заметно замерли, а затем вновь заскользили плавно; мочки ее ушей, кажется, слегка покраснели, и она невнятно отозвалась:

— С-спасибо.

Шэнь Цинъюэ больше ничего не сказала и снова закрыла глаза, погружаясь в музыку.

Не только она, казалось, весь Небесный Тюремный Застенок погрузился в иллюзорное спокойствие благодаря этой цитре.

Стражники в черных одеждах, несшие службу снаружи, тоже не стали приближаться и чинить препятствия.

Однако это хрупкое умиротворение, сотканное из музыки, продолжалось недолго.

Когда черная как ночь фигура бесшумно появилась у входа в тюрьму, все стражники в черном мгновенно выпрямили спины и дружно поклонились.

Цзян Ханьюй вошла внутрь.

Судя по всему, она только что разобралась с «неприятностями», и от нее все еще исходил легкий, не выветрившийся запах крови.

Но когда она ступила в коридор тюрьмы и услышала доносящиеся оттуда знакомые звуки цитры, ее шаги замерли.

Брови едва заметно нахмурились.

Эта мелодия...

Чистая, безмятежная, прекрасная настолько... что резала слух.

Особенно здесь, в наполненном отчаянием и запахом крови Небесном Тюремном Застенке, когда ее исполняли для этих узников.

Выражение лица Цзян Ханьюй практически не изменилось, но ее глаза мгновенно погрузились во тьму.

Она шагнула вперед, направляясь туда, откуда доносилась музыка.

В каменной камере Шэнь Циньюэ погрузилась было в музыку, наслаждаясь редким душевным покоем.

Но вдруг, словно что-то почувствовав, она резко открыла глаза, и безмятежность на их дне мгновенно сменилась острой бдительностью.

Она даже не успела подумать и резко бросила в сторону соседней камеры:

— Перестань играть!

Цинь Сяояо была полностью поглощена партитурой.

Внезапная и порывистая остановка Шэнь Циньюэ застала ее врасплох, кончик пальца соскользнул, и нота фальшиво сорвалась.

— А? — она растерянно открыла глаза и посмотрела на Шэнь Циньюэ.

— Я... я где-то сыграла не так?

Едва стихло эхо ее слов...

Ледяная рука без всякого предупреждения протянулась из-за ее спины.

Она яростно ухватила правую руку, извлекавшую звуки из цитры, а затем грубо дернула ее вверх, вскинув прямо над головой!

— Ох!

Боль пронзила ее!

Застигнутая врасплох Цинь Сяояо издала приглушенный стон от боли, всю руку невыносимо потянуло, и гучжэн лишился опоры.

С грохотом он рухнул на каменную кровать, издав хаотичный гул.

В ужасе она повернула голову и подняла взгляд —

Цзян Ханьюй?!

Неизвестно, когда именно та оказалась рядом с ней.

Настолько близко, что она могла отчетливо уловить исходивший от нее холодный аромат со слабыми нотками крови.

— С-Сяо-Юй? — голос Цинь Сяояо неконтролируемо задрожал, а сердце отчаянно забилось в груди.

Разве она не уходила разбираться с делами?

Цзян Ханьюй ничего не ответила, лишь опустила взгляд.

На зажатую в ее руке кисть Цинь Сяояо, на которой от приложенного усилия уже проступили отчетливые красные следы.

— Сяо-Яо... — заговорила она с прежней лаской в голосе, но для Цинь Сяояо это звучало ужасающе.

— Разве ты мне не обещала?

Ее кончики пальцев медленно погладили нежную кожу на запястье Цинь Сяояо.

— Мелодия, которую ты играешь...

Цзян Ханьюй слегка подалась вперед, почти прижавшись к спине Цинь Сяояо, и ее теплое дыхание овеяло мочку уха последней.

— Неужели она должна звучать только для меня одной?

Усилие, с которым она сжимала запястье Цинь Сяояо, с каждым ее словом становилось все тяжелее.

— Ох-а! Больно! — Цинь Сяояо не выдержала и вскрикнула от боли, чувствуя, что кости ее запястья вот-вот крошатся!

Она в панике попыталась объяснить, но в голове стояла абсолютная пустота, и под давящей аурой Цзян Ханьюй и адской болью в запястье ей оставалось лишь инстинктивно первой пойти на попятную.

— Я, я... Прости! Сяо-Юй, прости! Я не со зла!

Йа просто увидела, как все испугались, и хотела...

— Хотела успокоить их? — Цзян Ханьюй подхватила ее слова, в ее тоне прозвучала легкая усмешка, но эта усмешка совершенно не достигала глаз.

— Моей личной мелодией утешать этих... никому не нужных людей?

Говоря это, она другой рукой приподняла покрасневшую от сжатия руку Цинь Сяояо, поднеся ее к их глазам.

— Сяо-Яо.

— Что касается предавших вещей...

Ее взгляд скользнул по испуганному лицу Цинь Сяояо, а уголки губ изогнулись в лишенной тепла улыбке.

— Мы ведь... выбросим их, правда?

Кровь в теле Цинь Сяояо, казалось, в этот миг замерла.

Она слишком хорошо знала жестокость почерневшей Цзян Ханьюй из первоисточника.

Для «непослушных» или «предавших» людей или предметов лишиться руки — это, пожалуй, было бы лишь самым легким наказанием!

Сильное желание выжить и охвативший ее первобытный страх заставили ее отчаянно забиться в попытках вырваться, бессвязно умоляя:

— Нет, не надо! Прости, Сяо-Юй! Я больше никогда не посмею!

Впредь я буду играть только для тебя одной, только для тебя!

Отпусти меня сначала, ладно?

Из-за боли на глаза навернулись слезы, она попыталась извернуться и выскользнуть из хватки Цзян Ханьюй, но рука, сжимавшая ее запястье, оставалась неподвижной, словно вросшая в железо.

<http://bllate.org/book/19487/1910268>